

Объективные предпосылки Первой мировой войны в виде противоречий между великими державами складывались задолго до ее возникновения, уходя своими корнями еще в 70-е гг. XIX в. Но они не могли привести к конфликту автоматически, тем более что существовали определенные механизмы их регулирования, как традиционные (поддержание равновесия сил), так и новые (добровольный арбитраж). Война явилась результатом политики великих держав. Первостепенную роль играла при этом политическая линия двух гигантов-антагонистов - Германии и Англии. Первая из них выступила инициатором создания тройственного союза, вторая несколько позже ответила "политикой окружения" соперника.

Заметную роль в возникновении мировой войны сыграла и Россия. Нам уже приходилось указывать, что ее участие в экономическом разделе мира было довольно скромным, чего отнюдь нельзя сказать о ее территориально-политическом аспекте проблемы. Как Англия и Франция, она была больше заинтересована в сохранении существовавшего положения, чем в переделе владений и сфер влияния. Несмотря на низкий жизненный уровень населения, Россия играла одну из первых скрипок в предвоенной гонке вооружений, что объяснялось не только имперскими амбициями ее правящих кругов, но и другими важными причинами:

недостатками геостратегического положения, фактической утратой во время русско-японской войны морских сил и выявившейся в ходе той же войны необходимостью реорганизации армии .

Объектом исследования в данной статье служит предвоенная политика России, определившаяся в 1906-1907 гг. под влиянием ряда факторов, включая поражение на Дальнем Востоке и первую русскую революцию. Как увидим далее, ее можно определить как политику соглашений и балансирования.

В историографии этот внешнеполитический курс России не сразу получил соответствующую оценку. Сказалось, по-видимому, влияние двух обстоятельств. Во-первых, участие России в мировой войне в составе Антанты, естественно, создавало впечатление, что к этому вела вся предшествующая политика Петербурга. Во-вторых, сыграли свою роль некоторые принятые на веру свидетельства самих творцов политики соглашений и балансирования. Мы имеем в виду прежде всего "Воспоминания" бывшего министра иностранных дел А.П. Извольского и книгу его ближайшего сотрудника по министерству М.А. Таубе, также оказавшую большое влияние на историографию . Оба автора представляли дело таким образом, будто с приходом Извольского на министерский пост в 1906 г. им сразу же был взят курс на Тройственную антанту. Это утверждение верно лишь в той его части, которая касалась союза России с Францией, но не отношений с Англией, оно игнорировало также стремление к хорошим отношениям с державами Тройственного союза. Тем не менее такое представление сложилось также и в отечественной историографии .

Существенный шаг к более правильному пониманию вопроса был сделан в нашей исторической литературе в 60-х гг. Академик В.М. Хвостов в обобщающей работе "История дипломатии" пришел к заключению, что "царское правительство хотело бы избежать вовлечения в англо-германский конфликт и сохранить за собой возможность соблюдать нейтралитет в случае войны между Германией и Англией..." . И.В. Бестужев характеризовал внешнеполитический курс России после русско-японской войны как политику соглашений .

Зарубежная историческая литература приходит, хотя и несколько позже, к аналогичным выводам. Так, английский историк Д. Ливен в работе о роли России в подготовке Первой мировой войны писал: "Министр иностранных дел (Извольский. -А. И.) надеялся обеспечить России мир, заключив соглашения с соседними державами. Англией и Японией в Азии, Германией и Австрией в Европе, обеспечив неучастие в

серьезном конфликте" . Американский исследователь Д. Макдональд считает, что в области внешней политики "это был период общего отступления, мотивированного широко осознанной необходимостью устранить все возможные источники конфликта за рубежом, чтобы предоставить правительству нужные условия для осуществления внутренней реконструкции. Таким образом, русское правительство соорудило дипломатический мост к традиционному английскому сопернику, продолжая в то же время следовать сердечным отношениям с Германией" .

В настоящей статье автор стремится ответить на три вопроса: 1) что такое политика соглашений и балансирования и чем она отличалась от курса, проводимого до войны с Японией? 2) имела ли эта политика шансы на успех или была заранее обречена на неудачу? 3) как она эволюционировала, превратившись, наконец, едва ли не в свою противоположность.

Политика соглашений и балансирования не изменяла, да и не могла изменить основные целевые установки Российского государства на международной арене, вытекавшие из его геополитического и стратегического положения, объективного соотношения сил на международной арене, исторических традиций и менталитета правящей верхушки. В Европе и на Ближнем Востоке речь шла о том, чтобы не допустить гегемонии Германии, а на Балканах ~ и Австро-Венгрии, в благоприятном случае постепенно утвердив собственное преобладание. В Азии нужно было не допустить гегемонии Англии, выступавшей в союзе с Японией, противостоять укреплению позиций других великих держав в регионах, прилегающих к русским границам, а при благоприятных условиях - расширять сферы своего влияния с перспективой установления преобладания в восточной или южной части континента. Перспектива эта после поражения в войне с Японией представлялась достаточно дальней.

Существенная новизна состояла в том, что политика соглашений и балансирования была призвана обеспечить передышку, необходимую России для осуществления назревших внутренних преобразований и для восстановления военной мощи. Такую передышку могли дать соглашения с другими великими державами по всему периметру русской границы. В опете за 1906 г- А.П. Извольский, с именем которого была связана новая политика, писал. "На очереди с-юяла настоятельная необходимость обеспечить безопасность России на всем громадном протяжении ее дальневосточных окраин вплоть до ее европейских границ путем выработки целого ряда соглашений" . До русско-японской войны Россия не спешила с заключением подобных сделок, не видя в них особой необходимости и полагая, что больших успехов можно достичь, не связывая себе рук лишними обязательствами. Новая политика подразумевала как раз серию соглашений с государствами, с которыми у России имелась почва для конфликта: с Японией, Англией, Германией, Австро-Венгрией.

Вторая часть нового курса - балансирование - диктовалась желанием уклониться от явно назревавшего конфликта между Англией и Германией- Это было связано не только с общей потребностью в передышке, но и тем фактом, что речь шла о соперниках России в Европе и Азии. истощение которых во взаимной борьбе могло оказаться выгодным "третьему радующемуся". Балансирование служило в известной мере продолжением проводившейся еще при В.Н. Ламздорфе линии, которую он сам характеризовал как равно-удаленность от Берлина и Лондона. Заметное отличие состояло, пожалуй, в активности нового курса, который можно было бы характеризовать как стремление к урегулированию отношений и с Германией и с Англией.

Политика соглашений и балансирования сама по себе еще не предвещала, куда должны быть впредь направлены главные усилия - в Европу, на Дальний Восток или в Центральную Азию. На практике тяжелая неудача в русско-японской войне, новый англо-японский союз, настроение общественных кругов, да и менталитет руководителей МИД - А.П. Извольского и его преемника С.Д. Сазонова, а также их соратников работали во вполне определенном направлении. Поэтому после некоторой борьбы в правящих кругах России политика соглашений и балансирования приобрела европоцентристский характер. Именно здесь в первую очередь наращивались силы и предполагалось со

временем активизировать деятельность российской дипломатии. Именно в Европе можно было рассчитывать использовать наиболее мощный рычаг блоковой политики - союз с Францией, В Балканском

24

регионе казались еще не исчерпанными до конца возможности взаимодействия с Австро-Венгрией. Что до Азии, то там приходилось смириться с мыслью об отказе от особых отношений с соседними полуколониальными странами и вступить на путь компромиссного разграничения сфер влияния с Англией и Японией.

Имел ли новый внешнеполитический курс шансы на успех? Теоретически да, как имела их и политика успокоения и реформ Столыпина. Но на практике успех политики соглашений и балансирования был крайне проблематичен, и не только в силу недостатка времени. Сыграл свою роль и отмеченный выше европоцентризм русской политики. В отчете за 1907г. английский посол в России, а позднее постоянный помощник министра иностранных дел А. Никольсон писал, что попытка Извольского балансировать между англо-французским и австро-германским блоками и поддерживать хорошие отношения со всеми странами представляет собой политику, которая "потребует искусства и ловкости, чтобы следовать ей сколько-нибудь длительное время, и сомнительно, чтобы она оказалась осуществимой". Особенно большие надежды возлагали британские дипломаты на неизбежное обострение русско-германских отношений на Ближнем Востоке, которое подтолкнет Россию к сближению с Англией. Их расчет оказался, в общем, верным. Правда, наряду с обострением русско-германских противоречий на Ближнем Востоке происходило обострение англо-русских противоречий в Центральной Азии, лишь временно и отчасти урегулированных конвенцией 1907г. Но в силу европоцентризма русской политики первое воспринималось значительно более болезненно, чем второе.

Другая причина неудачи балансирования - антигерманский союз России с Францией. Правда, союз по форме носил оборонительный характер, но его антианглийская направленность к рассматриваемому времени вопреки настояниям России не была подтверждена Францией (мы имеем в виду переговоры Ф.Ф. Палицына - Ж- Брёна и А.И. Нелидова -Л. Буржуа в апреле 1906 г.). Между тем Франция, поддерживавшая близкие и становившиеся все более тесными отношения с Англией, была заинтересована в англо-русском сближении и всячески ему содействовала. В решении этой задачи Парижу помогала и финансовая зависимость России от западноевропейских держав (займы апреля 1906 г., января 1909г. и

ДР.).

Сказалось и влияние замедленного темпа развития страны, а также ограниченные результаты столыпинских реформ, контрастировавшие с более быстрым восстановлением военной мощи России. Это несоответствие создавало иллюзии возможности возврата к силовым методам в политике. К концу пребывания Столыпина у власти его реформаторская деятельность стала наткаться на растущее сопротивление реакционных сил. Нелегко шла и аграрная реформа. В 1912-1914 гг. выявилась также непрочность достигнутого после подавления революции "успокоения" страны.

Следующее существенное обстоятельство - напряженность международной обстановки. Для новой исторической эпохи, которая наступила в начале XX в.. во всяком случае для ее начального периода, характерно было обострение международных отношений и периодические кризисы, в большей или меньшей мере затрагивавшие все великие державы. В годы, когда Россия стала проводить политику соглашений и балансирования, такие кризисы следовали один за другим: Боснийский, Марокканский, Агадирский, Итало-турецкая война, Балканские войны, борьба вокруг миссии Лимана фон Сандерса. В такой ситуации балансировать было чрезвычайно трудно. Ведь нужно еще принять во внимание

великодержавный менталитет и традиции правящих кругов России. Хотя им приходилось уступать и идти на компромиссы в возникавших конфликтах, такая тактика была для них непривычна. Между тем постепенное восстановление вооруженных сил страны уже в 1912-1913 гг. придало уверенность ранее деморализованным руководителям военного и морского ведомств. Общественное мнение (как либералы, так и правые) требовало от российского правительства большей решимости в отстаивании великодержавных интересов.

*

Наконец, сказывались недостатки внешнеполитического руководства, связанные с несовершенством государственного механизма и, в конечном счете, с отсталостью страны". Эти слабые места были менее заметны на тактическом уровне, где они отчасти компенсировались высоким профессионализмом русских дипломатов. Но на уровне стратегических решений, планирования и последовательности осуществления принятого курса они проявлялись со всей силой. Видимо, не будет преувеличением сказать, что в целом механизм принятия и осуществления внешнеполитических решений работал в России хуже, чем в западноевропейских странах.

25

В рамках политики соглашений и балансирования возможны были различные ее толкования со стороны исполнителей. В самом деле, при проведении нового курса обозначились разные подходы. Наблюдались, в частности, расхождения в сроках, на которые предполагалось отодвинуть проведение Россией активной политики П.А. Столыпин, как известно, говорил о двадцати годах покоя, внутреннего и внешнего, которые нужны были для реформирования России. А.П. Извольский называл все же десять лет. Первый исходил, по-видимому, из опыта реформ XIX в., а второй - из оценки современной международной обстановки. Министр иностранных дел опасался, что Германия, хорошо подготовившаяся к большой войне, не станет ждать долго, а Россия не сможет уклониться от выполнения обязательств, возлагаемых на нее союзом с Францией. Он считал также вероятным возникновение в относительно близком будущем вопросов о дележе турецкого или австрийского наследства, что опять-таки требовало участия России.

Другое расхождение касалось тактики в ходе передышки. Все царские сановники исходили из представления о российском великодержавии. Но Столыпин был сторонником временного следования строго оборонительной политике. На Особом совещании в январе 1908 г. по ближневосточному вопросу он категорически утверждал, что "иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства..." . Извольский же полагал, что при благоприятной для России международной конъюнктуре, сотрудничестве с другими державами и известной ловкости можно добиться весомого политического успеха и до восстановления военной миши и внутреннего спокойствия. Разумеется, Столыпин и Извольский олицетворяли в данном случае различные течения в правительстве.

Как же складывалась на практике и эволюционировала политика соглашений и балан" сирования? Первый ее период приходится на 1906-1907 гг., когда начались переговоры с представлявшими угрозу для спокойствия России державами и были заключены соглашения с Японией и Англией, подписан Балтийский протокол с Германией, подтверждено согласие с Австро-Венгрией на Балканах. Первые из них позволили разрядить напряженность в Азии и вернуть российской политике традиционную европейско-ближневосточную направленность. Балтийский протокол подвел некоторую базу под желаемое улучшение отношений с Германией. Договоренность с Австро-Венгрией предусматривала продление срока действия Мюрцштегского соглашения о реформах в Македонии до 1914 г.

Балансирование помимо упомянутых соглашений с Лондоном и Берлином

выразилось также в упрочении союза с Францией как основы независимой политики в Европе. исключении из англо-русского соглашения вопросов, могущих затронуть интересы Германии, и в стремлении российской дипломатии избежать возвращения к союзным отношениям с центральными империями.

Переговоры и соглашения 1906-1907 гг. между Россией и другими великими державами упрочили международное положение первой, давали надежду на длительную мирную передышку и, казалось, даже сулили возможность уклониться от англо-германского столкновения. Руководство МИД в лице Извольского, сам Николай II и некоторые представители военных кругов были склонны переоценивать достигнутые успехи и открывавшиеся перспективы. В отчете царю о поездке по европейским столицам осенью 1907 г. министр самоуверенно писал: "Наступившее внутри империи успокоение и заключение дипломатических соглашений, обеспечивающих нас от возможности новых осложнений на Востоке, возвратили России полную свободу действий и вернули ей место, подобающее ей, в ряду великих европейских держав". Исходя из этой чрезмерно оптимистической оценки делался вывод о возможности проводить впредь более активную политику, что отвечало настроениям части общественного мнения. В действительности ситуация была отнюдь не столь радужной. Кроме того, при видимом равновесии англо-русского и русско-германского соглашений в системе связей России просматривался крен в сторону западноевропейских держав.

Следующий период в развитии политики соглашений и балансирования - 1908-1911 гг. Он начался с попыток развивать ее как в скандинавском и балканском регионах Европы. так и в Азии. Но если на Балтике и Дальнем Востоке еще были достигнуты известные успехи (Декларация и меморандум России. Германии, Дании и Швеции от апреля 1908 г. и соглашение с Японией 1910г.), то на Балканах и Ближнем Востоке Россия столкнулась с активной экспансией Германии и Австро-Венгрии. Договориться с Берлином о под-держании статус-кво на Балканах, а также о Персии и Багдадской железной дороге никак не удавалось. Соблазна совместного с Англией выступления против Турции российское

26

правительство после некоторых колебаний сумело избежать. Перед лицом наступательных шагов Австро-Венгрии в регионе нужно было избрать одну из двух возможных линий поведения: попытаться сдерживать соперницу, основываясь на австро-русском соглашении 1897 г.. а также используя поддержку Франции и Англии, или же пойти на сделку с двуединой монархией.

Некоторое время опробовались обе возможности. Затем в суматохе, вызванной Младо-турецкой революцией и франко-германским противостоянием из-за конфликта в Каса-бланке, Извольский с согласия Николая II повел дипломатическую игру. преследовавшую цель путем сговора с Австро-Венгрией и по договоренности с другими европейскими державами получить приз в виде благоприятного режима Проливов. Этот замысел был авантюристичен, так как недоучитывал расхождения внутри самого кабинета Столыпина и явное или скрытое противодействие других держав. В результате русской дипломатии пришлось на ходу перестраиваться и сделать очевидный крен в сторону Англии и Франции, выдвинув совместно с ними требование созыва международной конференции. В ответ Германия демонстративно поддержала Австро-Венгрию, еще более усилив противостояние держав.

Боснийский кризис 1908-1909 гг.. закончившийся поражением русской дипломатии, не похоронил политику соглашений и балансирования, хотя и нанес ей серьезный удар. Расчет Берлина и Вены на переориентацию внешней политики России в духе Союза трех императоров 70-80-х гг. XIX в. не оправдался. Они недоучли болезненную реакцию русских правящих кругов и лично царя на австрийский "обман" и германский шантаж. Франция и Англия, сознавая опасность отхода союзника и партнера, принимали меры, чтобы не допустить этого. Русская дипломатия использовала некоторую разрядку

напряженности, наступившую после Боснийского кризиса, в интересах как укрепления взаимопонимания с западноевропейскими державами, так и нормализации отношений с Германией и Австро-Венгрией. Но контуры противостояния двух группировок, раз наметившись, уже не исчезали с горизонта.

Серьезное беспокойство Петербурга вызывала перспектива развития австрийской экспансии на Балканах. В целях предотвращения этой угрозы поощрялось создание Балканской конфедерации или союза и было заключено соглашение с Италией в Ракониджи (1909 г.).

Новое обострение международной обстановки в 1911 г., проявившееся в Агадирском кризисе и начале итало-турецкой войны, сначала не поколебало внешнеполитического курса России. Она продолжала балансировать, стараясь использовать ситуацию к своей выгоде. Русская дипломатия советовала Франции покончить конфликт с Германией миром. Сама Россия летом 1911 г. заключила с Германией соглашение о Персии и Багдадской железной дороге. Это был, пожалуй, последний крупный маневр в русле старой политики. Последовала и еще одна неудачная попытка разрешить дипломатическим путем вопрос о Черноморских проливах (демарш Н.В. Чарыкова).

На Дальнем Востоке русско-японское соглашение 1910 г. позволило державам-участницам противостоять американским планам "интернационализации" маньчжурских железных дорог и противоречившим их интересам замыслам международного финансового консорциума. Соглашение с Японией позволяло также России сосредоточить свои главные силы в Европе и на Ближнем Востоке, что шло на пользу ее связям с западноевропейскими державами.

С 1912 г. внешняя политика России претерпевает существенные изменения по сравнению с предыдущим периодом. До этого времени российский МИД тяготился жесткостью условий военной конвенции с Францией. В отношении же Англии (как, впрочем, и Германии) проявлялась крайняя осторожность, чтобы избежать общеполитического сближения. Теперь ситуация меняется. Россия охотно, а то и по собственной инициативе идет на укрепление и развитие франко-русских обязательств. Более того, она пытается заручиться обещанием английской поддержки на случай общеевропейского конфликта.

Отмеченный сдвиг объяснялся прежде всего тревожным обострением обстановки в Европе. Мы имеем в виду последствия Агадирского кризиса, новый виток в гонке вооружений великих держав, затянувшуюся итало-турецкую войну, формирование Балканского союза и опасность выдвижения на повестку дня восточного вопроса. Выше уже говорилось и о внутренних причинах первых успехов в восстановлении военной мощи России и проблематичности результатов столыпинской политики "успокоения и реформ". Синьхайская революция 1911 г. и усиление экспансии в Китае более богатых великих держав осложнили положение России и на Дальнем Востоке. Русское правительство искало пути взаимо-

действия с Японией, Францией и Англией, используя уже налаженные связи четырех держав.

Перемены в блоковой политике России означали, по-видимому, отказ от попытки остаться в стороне от англо-германского конфликта в пользу более скромной задачи - выиграть время для укрепления вооруженных сил и внутренней консолидации в составе Тройственного соглашения. Эти перемены означали успех, пусть еще не полный, Англии и Франции, стремившихся прочно привязать Россию к Антанте.

Новые тенденции русской политики наиболее ярко проявились в отношениях с Францией. Уже в январе-феврале 1912г. Россия согласилась с ее давним предложением скреплять протоколы совещаний начальников генштабов двух стран подписями министров, что придавало им характер правительственных документов. Еще большее значение имело расширение союзных обязательств относительно действий военно-морских сил. Идея принадлежала на этот раз русской стороне. В начале июля 1912г. на встрече начальников морских генштабов России и Франции была выработана и подписана морская конвенция. Она предусматривала совместные действия военно-морских сил двух стран во всех случаях, когда должны были совместно действовать их

сухопутные войска. Предусматривались и ежегодные встречи начальников морских генштабов с целью согласования стратегических планов. Позднее документ был подписан морскими министрами двух стран и окончательно утвержден путем обмена письмами между министром иностранных дел С.Д. Сазоновым и председателем Совета министров Франции Р. Пуанкаре во время визита последнего в Россию 2-3 (15-16) августа 1912 г.¹⁶

Не довольствуясь укреплением собственных связей с Россией, Франция откровенно поощряла русско-английское сближение. Вопрос об этом поднимался и в ходе военноморских переговоров, и во время визита Пуанкаре в Россию. Англия, со своей стороны, приглашала Сазонова посетить Лондон для обсуждения всего комплекса представлявших взаимный интерес вопросов. МИД России еще некоторое время колебался, но реальная угроза войны на Балканах заставила его оставить все сомнения.

В сентябре 1912 г. в ходе визита в Англию Сазонов обменялся с британским министром иностранных дел Э. Греем информацией о военных соглашениях с Францией и поставил вопрос, чего Россия могла бы "ждать от Англии в случае вооруженного столкновения с Германией..." Он сформулировал также конкретные пожелания своего правительства, сводившиеся к тому, чтобы Англия оказала России такую же услугу на Севере, как Франция в Средиземном море, оттянув германские эскадры от русского Балтийского побережья. По версии Грея, вопрос был поставлен в несколько иной форме - в тесной увязке с участием Франции, что, впрочем, не меняет существа дела. На первую часть вопроса Сазонов получил вполне определенный положительный ответ, который подтвердил и английский король Георг V: при таких обстоятельствах Англия сделает все возможное, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому морскому могуществу. Что касается действий на Балтийском море, то Грей сослался на мнение "подлежащих ведомств" об их крайней рискованности и заключил, что "Англии, вероятно, придется ограничиться операциями в Северном море". Английский министр считал также нужным разъяснить собеседнику, при каких условиях либеральное правительство его страны сможет выступить против Германии, получив поддержку общественного мнения. Сазонов был, в общем, удовлетворен достигнутым результатом: он убедился в безуспешности попыток Германии сблизиться с Англией и нейтрализовать ее. Русский дипломат был

I¹⁷!

доволен и тем, что ему не пришлось давать какие-либо ответные обязательства. (Заметим, что Англия не очень нуждалась в них, так как ее вполне удовлетворяли обязательства России перед Францией.)

Характерно, что решение блоковых вопросов в отношениях с Францией и Англией шло более гладко, чем согласование линии в конкретных внешнеполитических делах. Это относится как к персидским, так и балканско-ближневосточным сюжетам. Например, в итало-турецкой войне 1911-1912 гг. Францию и Англию больше заботила будущая блоковая ориентация Рима, чем опасность расширения конфликта на Ближний Восток. В назревавшем столкновении на Балканах партнеры России, особенно Англия, уклонялись от энергичного давления на Турцию. Правда, русская дипломатия в ходе формирования Балканского союза тоже действовала довольно обособленно, рассчитывая использовать новую группировку прежде всего в собственных интересах. Но контроль России над Союзом оказался во многом формальным и не позволил ей предотвратить войну на Балканах.

Политика России в ходе 1-й Балканской войны 1912--1913 гг. определялась стремлением локализовать ее, поддержать Балканские государства и сохранить, их единство, не испортив по возможности и свои отношения с Турцией. Во время австро-сербского и скутарийского кризисов русская дипломатия вопреки позиции собственного Военного министерства и давлению общественного мнения заняла гибкую компромиссную позицию. Франция и Англия считали возможным держаться в отношении притязаний держав Тройственного союза более твердо, но действовали с оглядкой на Петербург. Партнеры осторожно поощряли Россию к более решительным шагам. В то же время между западными державами и Россией вновь вскрылись

разногласия в отношении судьбы Проливов и турецкой столицы. В итоге войну все же удалось локализовать, и результаты ее оказались в целом благоприятными для России и Антанты.

Но Лондонский мир (май 1913 г.) оказался очень непрочным. Попытки России примирить вчерашних союзников, между которыми возникли острые расхождения, и сохранить Балканский союз успехом не увенчались. Одной из причин этого была недостаточная поддержка со стороны Франции и Англии, которые не были заинтересованы в чрезмерном усилении русского влияния в этом регионе.

Во время 2-й Балканской войны 1913 г. усилия России были направлены на скорейшее прекращение военных действий и предотвращение вмешательства соседних стран. Русская дипломатия стремилась не допустить унижения потерпевшей неудачу Болгарии, что могло отбросить ее в ряды германской коалиции. Резкий отпор России вызвало вмешательство в войну Турции с целью ревизовать условия Лондонского договора. Но эти ее усилия опять-таки не были энергично поддержаны партнерами. Франция и Англия не возражали, правда, против единоличных российских мер принуждения в отношении Турции, но при том непременном условии, что не будут затронуты азиатские владения последней. Итоги 2-й Балканской войны оказались менее благоприятными для России и Антанты, чем первой. Балканский союз распался, Болгария была потеряна. Это отчасти компенсировалось укреплением Сербии, ставшей главной опорой России на Балканах, и улучшением русско-румынских отношений. Зато русско-турецкие отношения значительно ухудшились, а вскоре миссия Л. фон Сандерса продемонстрировала ориентацию Стамбула на Германию.

Взаимоотношения России с партнерами по Антанте на Дальнем Востоке носили в эти годы сложный характер. Каждый из участников группировки стремился отстаивать собственные интересы, что даже привело на время к противостоянию западных держав, с одной стороны, и России и Японии — с другой. Продолжение революции в Китае побудило-империалистические государства сплотить ряды на базе взаимных уступок. Еще одним объединяющим фактором стала заинтересованность Франции и Англии в том, чтобы России не пришлось отвлекать силы из Европы. Россия и Япония, координировавшие свои действия в Китае, присоединились к финансовому консорциуму держав, из которого вышли Соединенные Штаты. Дальнейшее сближение двух стран нашло свое выражение в русско-японском соглашении 1912 г.

В конце 1913 г. - первой половине 1914 г. внешнеполитический курс России претерпел дальнейшие изменения в направлении, наметившемся еще в предыдущий период. На этом заключительном этапе политика соглашений и балансирования фактически превращается в свою противоположность, Россия выступила инициатором всемерного укрепления Тройственного согласия вплоть до превращения его в открытый оборонительный союз. Целевая установка на продление мирной передышки сохранялась, но изначальному балансированию был положен конец. Англия становилась желанным союзником.

Произошел и еще один важный сдвиг, не очень заметный внешне, но имевший самые серьезные последствия: в правительственных кругах России возобладало мнение, что нельзя больше проявлять уступчивость перед лицом притязаний Германии и Австро-Венгрии без риска лишиться великодержавного престижа и оказаться в изоляции. Эта новая установка находилась в определенном противоречии с курсом на мирную передышку, но зато соответствовала устремлениям партнеров по Антанте и великодержавно-националистически настроенных кругов России.

Перемены во внешнеполитическом курсе объяснялись совокупностью причин международного и внутреннего характера. В результате Балканских войн и конфликта вокруг миссии Сандерса обострилась ситуация в Европе вообще и противоречия России с Германией и Австро-Венгрией в балканско-ближневосточном регионе в частности. Последовало новое усиление гонки вооружений великих держав, что побудило участников военно-политических блоков координировать свои действия. Потребность в консолидации Тройственного согласия выявилась также при разработке по инициативе Сазонова разносторонней

программы решения в пользу России вопроса о Черноморских проливах - Наконец, в России, как и в некоторых других странах, правящие круги искали выхода из внутренних трудностей на путях разжигания шовинизма.

Работа по укреплению Тройственного согласия велась в нескольких направлениях, Россия и Франция, наращивая подготовку к войне, добивались все более тесного взаимодействия на совещаниях начальников генштабов и встречах лидеров двух стран. По предложению Сазонова в феврале 1914г. решено было осуществить "предварительное согласование взглядов" по балканским сюжетам, для чего создавалось совещание в составе Э. Грея, русского и французского послов в Лондоне. В феврале же русская дипломатия возбудила вопрос о союзе. Сазонов видел в союзном сплочении не только гарантию сохранения мира, но и средство укрепления международных позиций участников. Он полагал, что англо-франко-русская группировка не должна больше уступать шантажу центральных империй. "Чувствовать себя сильнейшим и стусеваться перед противником, превосходство которого заключается только в его организованности и дисциплине, это не только унижительно, но и опасно, вследствие деморализации, которая проистекает

..20

отсюда

Предложение превратить согласие в союз было обращено Россией как непосредственно к Англии, так и к Франции. Ответ оказался в обоих случаях отрицательным. При этом Франция ссылалась на то, что ее отношения с Лондоном и в нынешнем виде настолько интимны и конкретны, что обеспечивают полную поддержку Англии в случае войны с Германией. Французские политики советовали русскому союзнику удовлетвориться такой же формой отношений с Англией и в случае согласия брались выступить посредниками в этом деле. Известия из Лондона подтверждали, что на союз с Россией либеральный кабинет Г. Асквита не пойдет, а в случае сближения по англо-французскому типу будет добиваться пересмотра в свою пользу условий конвенции 1907 г.²¹

Русская дипломатия, не отказываясь вовсе от идеи союза, приняла вариант, предлагаемый партнерами. В апреле 1914г., во время визита в Париж короля Георга V и Грен, английские государственные деятели согласились официально сообщить России условия морского сотрудничества двух западноевропейских держав. Вопрос о заключении подобного соглашения между Англией и Россией должен был возбудить сам Петербург, что позволило бы Форин Оффис выдвинуть ответные претензии. 2(15) мая Грей уведомил русского и французского послов в Лондоне А.К. Бенкендорфа и П. Камбона о согласии своего правительства сообщить России текст условного соглашения между Англией и Францией и приступить к переговорам между британским и русским адмиралтействами. В России это сообщение расценили как весьма важное не только с чисто военно-морской точки зрения, но и в общеполитическом плане. В Лондон сообщили о согласии принять предложенный порядок переговоров.

И все же М. Палеолог явно преувеличивал энтузиазм Петербурга, когда приписывал Сазонову чуть ли не восторженную реакцию. Секретный характер предполагаемого соглашения исключал или, во всяком случае, ослаблял его сдерживающее влияние на Германию. А ведь именно в этом прежде всего состоял смысл русской идеи союза! Кроме того, неизвестно было, какую цену потребуют англичане за свою "уступку". К этому времени вновь значительно обострились противоречия двух держав в Персии и Центральной Азии. В Петербурге, правда, надеялись, что интересы сближения позволят осуществить компромиссное урегулирование спорных вопросов, и были готовы к поискам взаимоприемлемых решений. Иным оказался подход английской стороны.

Три дня спустя после парижского визита короля Георга и Грея Д. Бьюкенен вручил Сазонову памятную записку, в которой Форин Оффис не только выступал против намерения России расширить функции и увеличить численность "своей" казачьей бригады в Персии, но и формулировал целую серию собственных пожеланий в персидском вопросе, Сазонов реагировал на эти претензии довольно нервно, заметив послу, что "есть

черта, за пределы коей им (англичанам. - *А.И.*) вмешиваться в наши дела было бы опасно, так как это могло бы испортить наши отношения"²⁴.

На другой день после того, как Грей ознакомил Бенкендорфа с результатами своей парижской поездки, Бьюкенен передал в МИД России памятную записку с проектом новой конвенции о Тибете. Проект фактически предусматривал установление над Тибетом английского протектората и, по признанию самих авторов меморандума, а двух пунктах противоречил русско-английскому соглашению 1907г. Тем не менее делать какие-либо ответные уступки британская дипломатия не собиралась. Бьюкенен даже утверждал, будто

эти документы "не имеют практического интереса для России", и лишь существующие между двумя правительствами дружественные отношения побуждают Англию информировать ее .

Не прошло и несколько дней с момента передачи Бенкендорфу копий писем Грея-Камбона от ноября 1912г., как Англия, не дожидаясь согласия русского правительства на требуемые изменения в соглашении 1907г., подписала новую конвенцию с Китаем о Тибете. Правда, сент-джеймский кабинет обещал не пользоваться правами, предоставляемыми Англии статьями 5-й и 8-й новой конвенции, пока он не придет к соглашению с русским правительством . Тем не менее налицо было стремление Англии поставить Россию перед свершившимся фактом.

Русская дипломатия считала целесообразным ввиду предстоявших более важных общеполитических переговоров изыскать компромисс. Она попыталась уравновесить английские претензии в Тибете своими пожеланиями в Афганистане. Между тем продолжал обостряться персидский вопрос. Русскому посольству в Лондоне было предписано объяснить с руководителями Форин Оффис по поводу попыток англичан противодействовать распространению влияния России в Исфаганской провинции ("русская зона"). Беседа русского поверенного в делах Н.С. Эттера с Греем по этому поводу протекала в резких тонах. Министр заявил, будто действия русской стороны на севере Персии затрагивают целостность шахского государства и едва ли совместимы с буквой соглашения 1907 г. Грей жаловался, что англо-русская дружба приносится в жертву взиманию налогов в Персии (намек на конфликт Учетно-ссудного и Шахиншахского банка в "русской зоне") Он даже угрожал возможностью срыва политики согласия . Бенкендорф в панике писал, что персидские осложнения могут "создать самые серьезные препятствия" для начинавшихся

морских переговоров .

Вскоре после их начала, 28 мая (!0 июня) Форин Оффис вручил русскому послу меморандум, где ставил вопрос о частичном пересмотре соглашения 1907 г. в пользу Англии и предупреждал, что будут приняты необходимые меры для ограждения интересов британских подданных как в южной, так и в нейтральной зонах . О персидских делах в тревожном духе говорил с Бенкендорфом и писал Николаю II король Георг. Англия предприняла важный практический шаг к укреплению своих позиций в Персии: Адмиралтейство заключило контракт с Англо-персидской нефтяной компанией о поставках топлива для королевского флота, причем капитал компании был удвоен за счет государственных средств, а правительство стало собственником 50 процентов акций. Такое расширение деятельности компании не могло не вызвать беспокойства в России, поскольку концессионные права компании распространялись помимо английской на нейтральную и частично на русскую зоны.

Тем временем лондонские переговоры о морской конвенции забуксовали. 29 мая (11 июня) Сазонов доложил о тревожном состоянии дел царю, подчеркнув необходимость срочных мер для выхода из тупика. На следующий день он посоветовал Николаю II использовать в этих целях ответное письмо королю Георгу . Сам он, со своей стороны, признал тибетско-афганские предложения Англии в общем приемлемыми .

В письме Бенкендорфу 11(24) июня Сазонов жаловался, что англичане выдвигают все новые требования, а сами тянут с заключением морской конвенции. Министр мирился с 'мыслью, что дальнейшее сближение с Англией "предполагает некоторые жертвы", но высказывал опасение, как бы от России не потребовали "слишком больших жертв"³².

• "///-." '///

Усилиями русской дипломатии переговоры о морской конвенции были в конце июня возобновлены. Как раз в это время появился новый важный фактор, оказавший влияние на их ход, - июльский кризис. Отношение Англии к военно-политическим переговорам с Россией становилось показателем ее готовности поддержать партнера в случае войны. Для русского правительства своевременное вступление Англии в схватку представлялось настолько важным, что все другие проблемы, включая противоречия в зависимых

странах, отходили на второй план. В результате к 10(23) июля проект морского соглашения был выработан. Утвердить его, правда, не успели.

Единая с Францией линия поведения в критические предвоенные дни была окончательно установлена во время визита в Россию президента Р. Пуанкаре и председателя Совета министров А. Вивиани, состоявшегося 7-10 (20-23) июля 1914 г. С Англией ее приходилось уточнять по дипломатическим каналам. Организационно-политическая подготовка Антанты к моменту мировой войны еще не была завершена.

В результате проведения политики соглашений и балансирования России удалось отсрочить участие в большой войне на 7-8 лет, т.е. на значительно меньший срок, чем виделось ее политикам в 1906-1907 гг. Страна не смогла остаться в стороне от англо-германского столкновения и примкнула к английской группировке. Таким образом, курс, взятый после русско-японской войны и революции 1905-1907 гг., потерпел неудачу. В заслугу русской дипломатии можно поставить обеспечение своевременной поддержки России обоими партнерами в войне, но этот тактический успех вряд ли может компенсировать ее поражение в стратегическом плане.

'См.; I g n a t i e v A. Russia and the Origins of the First World War // Первая мировая война и XX век:

Материалы международной конференции, 24-26 мая 1994. М., 1995. С. 94-97.

Извольский А. П. Воспоминания. М., 1989 (первое издание на русском языке появилось в

1924 г.); Т а ч Б е М. La politique russe d'avant guerre et la fin de l'empire des Tsars (1904-1917) Paris, 1928. i См., напр.: Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926.

История дипломатии. Изд. 2. Т. II. М., 1963. С. 613. См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М., 1968. Гл. 7.

^ I e v e n D C Russia and the Origins of the First World War. N.Y., 1983. P. 32. М c D o n a I d D. M. A Lever without a Fulcrum // Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge, 1993. P. 285.

^ВПРИ. Отчет по МИД за 1906 г., л. 96 об., - 97.

'L e v e n D C. Op. cit. P. 33.

"См., British Documents on the Origins of the War. 1898-1914 (далее - BD). Vol. IV. № 516.534, 540, 542.

См.: М е с ц В А. Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории М. 1994.

'Россия и анксионный кризис 1908-1909 / Сост Н Павичевич. Титовград. 1984. № 20-

"И г н а т ь е в А. В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. М., 1986 С. 218.

^АВПРИ, ф. Секретный архив министра, д. 291/293, л. 318 об.; Международные отношения в эпоху империализма (далее - МОЭИ). Сер. 2. Т. XIX. Ч. Ц. № 367.

^МОЭИ Т XX Ч I № 299-

""Там же. Т. XX Ч II. № 475.

"Там же. № 1034; BD. Vol. IX. Part I. № 812.

"МОЭИ. Сер. 3. Т. I. № 295.

""Documents diplomatique francais 3^e Ser (далее - DDF 3^e Ser). Т. IX. № 322.

^МОЭИ. Сер. 3. Т. I. № 289.

^Там же. № 328. Т. II. № 263.

^DDF 3^e Ser. Т. X. № 155.

"АВПРИ. ф. Секретный архив министра, д. 323/327. л. 37-38 об.; д. 324Л28, 6 и об., 8, 14 и об.

"МОЭИ. Сер. 3. Т. II. № 303. Примеч. 1.

"Там же. № 399.

^там же. Т. III. № 48.

"Там же. № 158, 159,

^амже-.М" 188.

^ам же- № 197

V}

АВПРИ, ф. Секретный архив министра, д. 324/328, л.

37. "МОЭИ. Сер. 3. Т. 111. № 194. Там же. № 343.